

Шел трамвай 4-й номер...

А что у меня в Одессе еще осталось?

Наверное, только вспомнить осталось...

Да и вспоминается почему-то только одно и то же.

Вот хожу весь день взад-вперед по нашей Пушкинской — от Приморского бульвара аж до вокзала. А трамвайные рельсы не попадают...

Что-то голова уже совсем не варит. Говорю сам себе: "Я же не мог перепутать..." Хотя мало ли что? Целых 26 лет пробежало.

А название этой "улицы с трамваем", как назло, выскочило из головы. Конечно же, Чичерина, по-старому — Успенская. А теперь, говорят, уже по-новому Успенская, а по-старому — Чичерина. Цирк один...

Вообще, я никогда и не пытался запомнить. Знал, что даже вслепую, даже хоть через сто лет, найду эту улицу. Ноги сами приведут.

...Сначала что-то списывали на произвол судьбы или стечение обстоятельств, а потом время само разбросало все по сторонам... Попробуй сейчас соединить в одну жизнь все, что было! А когда соединишь, то сознание отказывается понимать. Как такое может быть? Это же никогда не соединится!.. Это не может соединиться!!!

У меня соединилось... И что получилось, то уже получилось.

Учился я тогда в мореходке на Канатной. Ну, первый год пожил в экипаже. И учился как все, без особого перенапряжения. Рассчитывал только на себя. Мама весь день на своей Джутовой. Я мог ее не видеть даже неделями. Вместо нее всегда записка: "Сыночка! Суп — на плите, масло — в авоське за окном, хлеб — в мешочке, компот — между дверями...". В голове футбол и "Черноморец", Ланжерон, танцы на Майдане, ребята из экипажа... Что еще? Ну, пройтись по Дерibasовской, вечером заглянуть в летний "Комсомолец" или парк Ильича, откинуться на скамейке Приморского бульвара... А по воскресеньям пропадал на Староконном среди голубятников. Чем не настоящая жизнь?!

После учебы домой как-то не очень спешил. По Канатной доходил до Чичерина, там на 4-й трамвай — и вперед, до моей Прохоровской угол Дуринского переулка. В мореходку тоже по такой же схеме: "4-й трамвай — Канатная". Так прислонюсь к окну, смотрю по ходу движения на окружающий одесский мир и что-то напеваю про себя... Одним словом, жил без ог-

лядки. Не жил, а катился. Мореходка оденет, мореходка накормит, мореходка научит, мореходка поможет...

А тогда, 24 октября 74-го, часов в восемь вечера я, как обычно, стоял на углу Канатной на трамвайной остановке. Надо было уже начинать двигаться к своему дому. Подошел трамвай, поехали. На задней площадке пробился к окну, чтобы заняться любимым делом — провожать глазами пробегающую жизнь. А что было дальше — помню поминутно.

За моей спиной цеплялись к девушке. На ее громкий окрик я автоматически обернулся. На мгновение наши глаза встретились. Я понял, что она рассчитывает на меня. Я не мог не заступиться! Что, моя Прохоровская — "подарочный" район? Кое-что я уже в этой жизни видел... Еще чуть-чуть — и я, как водится, скинул бы ремень с бляхой. А дальше только держись. В мореходке этому быстро учились. Да и на Успенской, и вокруг всегда полно наших. Всегда моряк за моряка встанет горой.

Не успел... Пока останавливал одного, другой ударил ножом в спину. Люди с криками бросились к выходу. Буквально шли по мне... Перед глазами все поплыло, а в голове зазвучал старый одесский мотивчик:

... Шел трамвай 4-й номер,
на площадке кто-то помер.
Тащут, тащут мертвеца,
Гоп ца-дри-ца
Гоп ца-ца...

Это еще с детства, с нашей 103-й школы, на Болгарской угол Высокого, застряло внутри. Успел даже сообразить, что песенка эта, кажется, почти обо мне. Все вроде бы сходится... Только, правда, я пока еще не помер...

А что дальше? Все разбежались — и виновники, и свидетели. Надо мной склонилась только она. Только она пыталась помочь, только она дождалась "скорой"...

А что еще дальше?

Буквально на третий день меня отчислили из мореходки. Ни с чем не посчитались. И на мать мою одиночку тоже не посмотрели. Никто не хотел разбираться... Очевидно, я подпортил какие-то высокие показатели... А когда узнали, что я еще не собираюсь умирать, так даже милиция отцепилась. Наверное, каждый может рассказать миллион таких одесских историй...

Ленка, так звали девушку, постоянно навещала меня в больнице. Провалялся я месяца два "с гаком". Потом неожиданно мы начали встречаться. Все произошло как-то незаметно, как-то само собой. А тогда, в трамвае,

я вообще четко ее не рассмотрел. Теперь же четко понял, что Ленка — это самое большое и бесценное в моей жизни.

...Мама слегла, не выдержала несправедливости. Ведь она гордилась мной. Она же сама ставила меня на ноги... Сама! А тут перед ней сразу же закрылись все двери. Сколько она могла так протянуть? Меня как единственного кормильца поначалу в армию не брали. А через год мамы не стало... Я почти сразу же загремел в армию. Хочешь не хочешь, а два года отдай...

Потом все те "трамвайные" и другие дела как-то стали перемещаться на задний план. Началась другая жизнь... Мне ничего не надо было, только бы Ленка рядом. Жила она на Осипова, между Успенской и Базарной. Так что по той Успенской гуляли довольно часто, даже глубокой ночью... Ленка, бывало, озорно пробежит вперед и пойдет по трамвайному рельсу, как по натянутому канату, широко разведя руки в стороны. Я подыгрывал, участвуя в этом цирковом трюке... Вообще, наша громыхающая "четверка" была даже роднее родного дома. А сколько в ней прошло доверительных разговоров, сколько раз она укрывала от дождя и снега, сколько раз бежала скорее "скорой", когда я опаздывал к Ленке?!

Вот так те короткие дни складывались в наши длинные месяцы. Потом попал на работу в Ильичевский порт — сменным слесарем на 2-й район. Не мог дожидаться конца рабочего дня — мчался к ней. Уже даже начали строить какие-то планы...

В те годы в Одессе было, кажется, только два главных ЧП. Это когда в 65-м почти рядом со мной "от газа" на Госпитальной дом взорвался. И когда 17 марта 79-го во Внуково разбился самолет "Москва — Одесса". Вот как раз вся моя тогдашняя жизнь и уместилась между двумя этими событиями. И Прохоровская, и школа, и мореходка, и армия, и Ленка моя. И несправедливость, и справедливость, и счастливые часы. И те мгновения, по которым сегодня можно представить давно прожитые годы.

Ленка была в том самолете... Тогда я вылетал в Москву на опознание тела. А кто еще мог? Помню, кручусь тогда в одесском аэропорту. Вот-вот должна была вылететь группа "опознавателей". Как я не прятался, меня все-таки увидели ее друзья — парень и девушка только расписались, летели куда-то в свадебное путешествие. Веселые, прижались друг к другу. Подмигнули: "А Ленка где? Скоро и у вас все будет...". Они-то еще ничего не знали, а я не мог их расстраивать. Сжал зубы, а слезам не прикажешь...

Что дальше?

Дальше потолкался у нас на 1-м судоремонтном заводе в доковом цехе, потом махнул на Сахалин. Надо было как-то забыться... В Одессе уже

ничего не держало. Там окончил заочно мореходку. Объездил весь Дальний Восток — работал и на Камчатке, и Чукотке, и Курилах, и в Приморье. Все было... Бесконечные общаги и брандвахты. Чемоданы и рюкзаки, койки и матрасы, вокзалы и аэропорты, причалы и бортовые машины. И все новые и новые лица... А вокруг тучи мошкеры, дожди, ветруганы, снежные бури... Казалось, уже навсегда потеряно ощущение пространства и времени. Ходил по самому краю жизни. И так годами...

А Ленку забыть не смог.

Даже сейчас, бывает, вскакиваешь на внезапный стук в дверь, на неожиданный телефонный звонок, на ночные шаги за окном... Может, это ее шаги, ее стук, ее звонок?..

...Вот и годы эти проскочили. Много их...

А что теперь?

Приехал поправить могилки — Ленки и мамы моей. И еще ребят наших с Прохоровской... Кому это еще нужно?

Все давно перевелось на что-то другое...

А рельсы те вели меня всегда домой, в Одессу, не давали сбиться с пути.

Трамвая 4-го нет... Никто уже не выходит на проезжую часть, как мы когда-то, чтобы посмотреть в сторону парка Шевченко, где там застряла наша "четверка"?!

И улица получилась нарядная и гладенькая.

И от жизни той ничего не осталось...

...Помню, как на Сахалине, где-то в Корсаковском порту, так получилось, что в очень узком месте нужно было быстро проскочить по крановому рельсу. Ну, прямо перед самым носом движущегося порталного крана.

Проскочил... А представлялось, что мы снова в Одессе, снова на Успенской, идем по рельсу нашего 4-го трамвая. Ленка, сохраняя равновесие, шаг за шагом, медленно двигается вперед, а я рядом, держу ее руку.

И так всю жизнь... Одним словом,

Гоп ца-дри-ца

Гоп ца-ца...

